

Баркова В.В «Инновация» как понятие и социокультурная потребность» // НОМО NOLISTIC: ЧЕЛОВЕК ЦЕЛОСТНЫЙ: Сборник научных трудов. Челябинск, 2012. С. 26-35.

Трансформации современной эпистемологии периодически ставят под вопрос смыслы, еще недавно казавшиеся очевидными, и одновременно привлекают внимание к тем понятиям, которые не представляли ранее для философии четко выраженного интереса. Сегодня заново проблематизируются категории знания, истины, объективности, субъективности и т.д., принадлежащие к «жесткому ядру» классической теории познания. Расширение предметной области и методологического инструментария философского анализа знания, междисциплинарные когнитологические исследования втягивают в центр дискуссий такие понятия как дискурс, ментальность, повседневность, контекст и др. К числу последних относится понятие «инновация», которое в последние годы привлекает к себе чрезвычайно пристальный интерес не только со стороны философской общественности, но и педагогов, экономистов, экологов, логистов ит.п. Это связано, прежде всего, с актуально назревшей потребностью в фундаментальной модернизации и обновлении как качества, так и функционального содержания структурных компонентов современной общественной жизни на всех уровнях её бытийности. Начиная с технической модернизации базисных структур производства и воспроизводства социальной жизни и поднимаясь в её установках до модернизации культурных сфер социального бытия человека. Как показывает опыт исторического развития внедрение тех или иных инноваций, реализация рентабельных новшеств делает социум конкурентоспособным на мировом рынке труда и услуг, обеспечивая ему устойчивое позитивное развитие. Следовательно, инновации это то, что, будучи успешно внедрено, именно в данной ситуации с учетом требования рынка и рыночной конъюнктуры, приносит ощутимый эффект позитивному развитию социальной системы в целом. Однако, как часто бывает, несмотря на то, что проблематика как бы «на слуху», её разработка не опирается на изначально заданное и достаточно фальсифицированное определение, что вызывает определенные трудности в оперировании самим понятием.

Термин «инновация» появился только в XIX в. и изначально стал употребляться в смысле – «новый». Однако около 2000 лет тому назад римский акведук, построенный для подведения воды в город, уже назывался «*ahio novus*»; и люди с принципиально иным миропониманием бытия, чьи предки никогда не занимались государственной службой, в древнем Риме назывались «*homo novus*». Древние мыслители, как, впрочем, все граждане государства-полиса, считая физический труд не благородным и унижительным для своего достоинства, называли «новым» и очень новым все то, что создавало ядро материального базиса благополучия «допромышленной» цивилизации: ткацкий станок, гончарный круг, приспособления для монументального строительства, кораблестроения и т.п. Но рассматривалось новое в одном ряду с такими полуговорящими и говорящими инструментами труда как рабы и животные. Новое оказывалось по отношению к ним всего лишь их безгласной разновидностью. Искусственно «сотворенное новое», прежде всего разнообразные механические «штучки», технологические процессы их использования осмыслялись не сами по себе, а как разновидность натурального и органического, подчас приобретая зоо - или антропоморфный облик, допускающий целостные качественные оценки и оставалось побочным сюжетом агрономических или архитектурных рассуждений. Зато в так называемой сфере «*tet-a-tet*» - сфере услуг, в которой были заняты свободные граждане полиса и домашние рабы, новое получало спрос и предметно - практическое использование: в медицинской практике, быту, поварском искусстве, шитье и крое, парикмахерском деле, во всевозможных игрушках и фокусах. Льюис М. писал, что греки владели нешуточным уровнем технических знаний и мастерством сотворения нового. У них было достаточно интеллектуальных возможностей и навыков осмысления пользы нового, чтобы создавать индустриальные машины и предвосхитить XVIII в. Однако они использовали свой интеллектуальный потенциал, свою интуицию для придумывания механических фокусов, конструирование игрушек для развлечений во время праздников. В этой ситуации повышение отдачи производственного процесса гораздо проще достигалось за счет ужесточения требовательности к «говорящим орудиям», чем к грубой и неподатливой технике, которой они пользовались.

Средневековье, подхватив античные идеи по отношению понимания и использования феномена нового, которое без всякого благословения

активно просачивалось во все сферы этой эпохи, рассматривало его как продолжение природно-телесной субстанции. Ведь основополагающего деления на культуру и природу, которое стало исходной дихотомией нововременного сознания, средневековая культура вообще не знала. Предметный мир представал как непрерывный континуум, в котором каждый предмет, сотворенный Богом и человеком, обладал некой самодовлеющей органической жизнью, воспроизводящей в более или менее развернутом виде органическую жизнь всего божественного универсума. Новое, по сути своей, являлось для средневекового мышления не самоценным предметом, а лишь вспомогательным средством для материализации предметных форм и не заслуживало внимания. Средневековый ремесленник зачастую изгонялся из цеха и гильдии, если был уличен в инновации или творчестве в своей деятельности. В средневековых текстах всякого рода новые приспособления упоминались лишь в связи с описанием внутренних «начинок» всевозможных диковинных предметов, вроде голов, способных произносить отдельные слова, или «пожирающих» пищу механических уток, имитирующих органические явления. Монах Теофил, в дошедшем до нас трактате по использованию инноваций в церковной практике, пишет о том, что они применялись в секретах по украшению храмов и для демонстрации чудес.

Дальнейшая актуализации практики использования инноваций с вела к преодолению «сращенности» искусственного и естественного и осознанию автономности технической реальности, сколь бы примитивной она поначалу не была. Как показала история развития средневекового способа производства и воспроизводства социальных отношений такая автономизация впервые оказалась возможной только на базе свободной городской промышленности, в которой непосредственный работник одновременно являлся самостоятельным субъектом, не поглощаемый самим актом действия, а остающийся вне его и организующий с чисто внешней позиции количественно фиксируемый конечный результат своего труда. В этой новой предметно-практической и субъектно-психологической ситуации инновационное обеспечение тех или иных производственных процессов обеспечивало экономию труда и повышение его эффективности.

Стратегическую роль в утверждении автономного предметного статуса нового, подчас, представляемого в рисунках, схемах, расчетах, особенно в отраслях производственного назначения в эпоху средних веков сыграло внедрение колеса и принципа механического

вращательного движения. Это способствовало появлению заинтересованного отношения к технике, инновациям как факту исключительно «искусственному», предметно-механическому. Постепенно сама форма механического движения становится объектом внимания массового сознания, а значит и исследовательского интереса к нему. Вершиной кристаллизации этого нового предметно-практического и интеллектуально-психологического опыта стало изобретение часов, стекла и книгопечатания.

Развитие общественного производства и социальной жизни в XVIIв. «породило» понятие – «новинка», которое сразу же активно вошло в словарь эпохи и стало общеупотребимым. Оно легко прижилось в социуме и стало использоваться в практике технического, инженерного, технологического мышлевыражения, Херигон - французский математик, а именно он ввел это понятие в лексикон времени Просвещения, обозначил этим термином остроумный вариант технического решения камеры обскура. Термин «novel» «пришелся по душе» и литературным критикам для характеристики нового жанра литературного творчества - романа, новеллы. В романах и новеллах, как правило, в пику средневековому укладу жизни и его смыложизненным предпочтениям, утверждался активный образ жизни; тщательно прорабатывались и прописывались особенности формирования активной автономности личностей героев сюжета романов. Формулировались содержательные характеристики их поведения, отражавшие ценностные ориентации эпохи: оптимизм и уверенность в способности разума постичь Божий Промысел и объяснить им все, происходящее в мире. Более того, характерной чертой новелл эпохи Просвещения явилось новое прочтение образа женщины. Женщина становится не объектом, а субъектом происходящего, демонстрируя специфически женский взгляд на вещи, «овнешнивая», тем самым, ценностные искания женщин своего времени, как это имеет место, например, в романах Ричардсона «Памелла» и «Кларисса Харлоу».

Вместе с тем, уже в начале XX века австрийский экономист Й. Шумпетер стал говорить «о новых комбинациях», на которых, по его мнению, основан экономический рост той или иной социальной системы. Пионеры, вводя «новые комбинации» такие, как новые продукты, технологии, новые рынки сбыта получают сверхприбыль и возможность выжить на рынке. И хотя термин «инновация» не звучал у этого автора, все же его модель была настолько похожа на модель

инновационной экономики, что самого автора стали считать основоположником теории экономики, основанной на инновациях. С этого времени понятие «инновации» прочно входит в обиход экономических теорий и здесь получает наиболее четкое определение. Акцент в понимании предмета инновации делается не просто на новизне или материально – технических достижениях, а на внедренных, и более того, приносящих прибыль новшествах! «Бум» инновационной проблематики наступил с появлением и развитием рынка нематериальных активов. Важнейшая часть этого рынка – инновации как идеи, приносящие прибыль - т.е. интеллектуальный товар на рынке труда стал приобретать экономическое содержание.

На инновационном саммите в 2010 году в Лиссабоне были высказаны разные определения инноваций. Так, например, М.Шурманс говорил об инновациях как, о производстве чего то нового, будь то услуги, продукты, новые рынки; Э. Вукоф определил инновации как новые процессы и новые продукты в деловой или государственной сфере, в социальной сфере, например, филантропия. Р.Либенберг размышлял о создании ценностей для пользователей, включая новые способы делать более эффективно привычные вещи. М.Квинн подчеркнул связь между инновациями и научным знанием. Он акцентировал мысль на том, что инновация означает получение «её составляющих» из научных исследований, что в дальнейшем и позволяет успешно продвигать товар на рынке спроса и предложений.

Саммит выявил факт того, что термин «инновация» нашел широкий спектр использования не только среди экономистов, но и в более общем контексте: в социальном, культурном, методологическом, технологическом, пользовательских пространствах. Вместе с тем такая ситуация породила и новые проблемы. Критерии понятия «инновации» стали размываться, терять определенный смысл, который был заложен в экономико – техническом понимании этого феномена. Закономерно возник вопрос, какими же должны быть критерии выделения инновационных феноменов во флуктуирующем пространственно-временном континууме природного и социального бытия, за которые было бы удобно «ухватиться» и «овнешнить» ускользающие «кристаллы сущности» этого феномена для фиксации его в других сферах человеческой деятельности. Что это: успешность, новизна, основанность на новых знаниях или прикладной характер их проявления? Нужно ли искать глобальные критерии для выделения

этого феномена или можно ограничиться локальными знаками-символами инноваций, например, в технике – новизна, в экономике – успешность, в образовании – организация синергетического образовательного пространства, а в культуре, возможно, достаточно субъективного восприятия чего – либо нового?

Разнообразие критериев инноваций, как и трактовка каждого из них, далеко неоднозначны. Как оценивать нововведения нерентабельные в ближайшей перспективе, но потенциально оправданные? Или же считать кратковременный успех более соответствующим духу инновации? И в какой момент производить оценку успешности?

Й.Шумпетер, признанный классик тематики инновации указывал на необходимость оценки «новых комбинаций» по критериям успешности, поскольку инновации, с его точки зрения – это двигатели экономики. По критерию успешности инновации отличаются от изобретательской и рационализаторской деятельности. Изобретение это процесс превращения денег в идеи, инновации – идей в деньги. Р.А. Фархутдинов предлагает понимать под инновацией конечный результат внедрения новшества с целью изменения объекта управления и получения экономического, социального, экологического, научно-технического или другого вида эффекта. Но при этом остается непроявленным немаловажный вопрос: основываются ли инновации:

- на новых технологических возможностях,
- научных знаниях,
- социальных нуждах,
- требованиях рынка?

Проблема феномена инноваций уходит своими корнями в глубины онтологии, поскольку все без исключения инновации имеют свои онтологические корни. Рассматривая неживую природу и, восходя от неё к обозрению реалий повседневной бытийности человека, можно сказать, что вся эта совокупность способов, форм, уровней существования сущего, являет собой самоорганизующуюся и, следовательно, постоянно обновляющуюся реальность. При этом заметна определенная закономерность, состоящая в том, что, чем выше сложность и уровень организации материи по самому способу своего бытия, тем более инновационными признаками, качествами, характеристиками начинают обладать результаты её воспроизводственных процессов. Это касается, например,

особенностей бытия и воспроизводства психики, индивидуального и общественного сознания. Из всех форм общественного сознания самой инновационноёмкой формой является наука, поскольку исторически именно она связана с поиском и обретением нового знания будь то открытие, изобретение, патент, публикация, выступление и т.п.

Инновационный статус и потенциал научного знания определяет возможности его применения в различных сферах человеческой деятельности, что весьма хорошо показывает современная персоналогия, акмеология и др. отрасли научного знания. Главным инновационным потенциалом науки является сам ученый, его сознание, когнитивные способности, оказывающие воздействие на окружающих его людей как субъектов познания и носителей творческой активности. Традиционно же в самой онтологии обращают внимание преимущественно на объективные формы бытия, забывая, что высшей и наиболее ценной для человека формой и способом бытия является его субъективная реальность, определяющая его существование и развитие как творческой личности, субъекта деятельности, источника и «носителя» всех инноваций. В ходе культурно-цивилизационного развития человека, расширения ойкумены его присутствия на Земле, естественно, обогащались формы его существования и развития. Происходил переход на новые уровни взаимодействия с фундаментальными параметрами и формами реальности - от материально - вещественных к силовым и энергетическим и далее к информационным и семиотическим, что неизбежно порождало «новый фронт» инноваций - когитогенез как перманентное становление и самообновление человеческого сознания и мышления. Поэтому проблемы когитогенеза в имплицитной форме пребывают в самой сердцевине инновационной деятельности и её побудительных мотивах.. В этой связи следует отметить, что само понятие «новое» может рассматриваться в различных смыслах, зависящих от социально-культурных хронотопов и хронотропов.

«Новое» обозначает, то, что некоторое время назад оно не существовало или не осознавалось и было прерогативой будущего. В этом смысле «новое» выступало в качестве неявной, скрытой от нас реальности, виртуальности, неопределенности. Когда же оно осознается и становится современным, частью настоящего, то тем самым обретает определенность и особый онтологический статус «бытийности». В этом смысле феномен инновации представляет

собой способ преодоления неопределенности, благодаря деятельности субъекта познания, активности его когнитивных структур и осуществляемых в них процессов. Заняв некую часть на оси линейной модели времени той или иной эпохи, инновация как фрагмент нового, становится верхней границей хронотропа настоящего. Однако постепенно «как шагреновая кожа» уходит эффект влияния её новизны на процессы конкретной эпохи. Наступает время хронотропов будущего, несущих «иное новое» и его другое инновационное прочтение другими поколениями людей. Следовательно, феномен инноваций онтологически весьма условен и может рассматриваться только как нечто относительное, в зависимости от параметров рассматриваемой системы, в которую включается «новое». Это нашло обстоятельное рассмотрение в творчестве Й. Шумпетера, К. Майцера. По их мнению инновации в своем развитии проходят ряд закономерных «жизненных циклов». В большинстве своем, как показывает весь исторический ход антропосоциогенеза, инновации формируются посредством приемов переноса, аналогии, моделирования, преобразования и других мыслительных операций с исходными предметами, артефактами, идеями, поскольку человеческой мыследеятельности присуща интенциональность - избирательная направленность и предметность, как содержательная наполненность «поля сознания» и процесса мышления идеями, образами, концепциями и перцепциями. На первых этапах своего «проклёвывания» в «мире дольном» их развитие незначительно, поскольку сталкивается с сопротивлением общепринятого, привычного и просто с социальной ленью и интеллектуальным безразличием к новому. На следующем этапе происходит быстрый рост, экспансия и диверсификация инновационных проектов и результатов. На третьем этапе наступает определенное насыщение спроса и потребностей общества и спад интереса к данным инновациям, их рутинизация.

Определенный интерес представляет концепция этапов «сопряженного» развития культуры и техники, детально разработанная Л.Мэмфордом. Автор выделяет три крупнейших технико-технологических блока в социально-экономическом развитии цивилизаций, инновационные сдвиги в которых последовательно обеспечивают ей устойчивое развитие. Первый блок – эотехническая эпоха, существовавшая в Западной Европе с 1000 по 1750 и, которая опиралась на «технологический комплекс «воды и дерева». Второй –

палеотехническая эпоха, существовавшая с 1750 по начало 20 века. Она основывала свое инновационное развитие на технологическом комплексе «угля и железа». С двадцатого века социальный мир вступил в эпоху неотехнического развития, базирующегося на технологическом комплексе «электричества и сплавов». Вовлечение в различные сферы человеческой жизнедеятельности новых видов вещества (композитов, пластмасс), энергий (газ, АЭС, альтернативные источники) и информации реально несет в себе существенные инновационные потенции для создания новых наукоемких технологий. Таким образом, можно выделить в качестве базовых, фундаментальных онтологических основ потребностного развития инновационных процессов такие его составляющие, как – вещество, энергия, информация. Исследование способов и технологий употребления выделенных компонентов в предметно-практической и социокультурной деятельности человека и человечества позволяет выделить ряд значимых закономерностей и особенностей инновационной деятельности, определить критерии эффективности их использования в той или иной сфере социального развития.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Психология искусства. - М., 1968
2. Иванов Д.В. Общество как виртуальная реальность //сб. “Информационное общество”. Спб.- М.: ООО “Издательство АСТ”, 2004.
3. Кастельс М. Информационная эпоха / М.Кастельс, Москва : Издательство ГУ ВШЭ, 2000. - 607 с.
4. Кун Т. Структура научных революций. / пер с англ. И.З Налетова / М.: Прогресс, 1977.
5. Яголковский С.Р. Психология инноваций: подходы, модели, процессы. М: Изд. дом ГУ - ВШЭ, 2011